

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ
МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Формирование,
историческое взаимодействие
и культурные связи
финно-угорских народов**

Йошкар-Ола
2004

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ МАРИЙ ЭЛ
МАРИЙСКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ им. В. М. ВАСИЛЬЕВА
МАРИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

М а т е р и а л ы
III Международного
исторического конгресса
финно-угроведов

Йошкар-Ола
2004

УДК 930
ББК 63.3
Ф 796

Печатается по решению Оргкомитета
III Международного исторического конгресса финно-угроведов

Редакционная коллегия:

Васютин М.З. (главный редактор), Иванов А.Г.,
Казимов А.С. (ответственный редактор), Кудрявцева Р.А.,
Молотова Т.Л., Никитина Т.Б., Попов Н.С., Сануков К.Н., Стариков С.В.

**Формирование, историческое взаимодействие и культурные связи
Ф 796 финно-угорских народов:** Материалы III Международного исторического конгресса финно-угроведов.– Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2004.– 656 с.

ISBN 5-94950-017-2

В книге публикуются доклады и тезисы докладов участников III Международного исторического конгресса финно-угроведов, состоявшегося в г. Йошкар-Оле 28 октября – 1 ноября 2003 г. Материалы посвящены проблемам формирования, исторического взаимодействия и культурных связей финно-угорских народов.

Издание адресовано историкам, археологам, этнологам, фольклористам, литературоведам, искусствоведам, социологам и всем, кто интересуется проблемами финно-угроведения.

УДК 930
ББК 63.3

ISBN 5-94950-017-2

© МарНИИЯЛИ, 2004

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ДРЕВНЕРУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ С ФИННО-УГОРСКИМИ НАРОДАМИ ПРИКАМЬЯ

Л.Д. Макаров

Ижевск

Взаимоотношения славян с финнами, заселявшими окраины Древнерусского государства, издавна привлекали внимание исследователей. И если поначалу базой изысканий были преимущественно письменные источники, то позднее стали использоваться и данные других наук – археологии, этнографии, антропологии, языкознания и фольклористики, что дало возможность восполнить имевшиеся пробелы¹. Особое значение имели массовые археологические раскопки последних десятилетий в Верхнем Поволжье и на Русском Севере, которые поставили решение вопроса на качественно новый уровень. В ходе тщательного анализа вновь полученных и уже имевшихся ранее археологических данных ученым с высокой степенью достоверности удалось проследить темпы и этапы смешения славян и финнов² (А.Е. Леонтьев, Н.А. Макаров, О.В. Овсянников, Е.А. Рябинин и др.). Взаимоассимиляция славян и финнов на территориях, во многом ставших исходными для колонизации Прикамья, имеет принципиальное значение для понимания этнокультурных процессов, происходивших в нашем регионе.

Прикамье в рамках рассматриваемой проблемы изучено пока недостаточно, хотя имеется ряд работ отдельных авторов, в которых вопросы межэтнических контактов стали предметом специального обсуждения. В первую очередь надо отметить исследования В.А. Оборина и его учеников, указавших на присутствие заметного финно-пермского компонента на русских памятниках Верхнего Прикамья². Мне также довелось обращаться к соответствующим древностям Верхнего Прикамья и делать определенные выводы относительно этнокультурных процессов. Славяно-финское взаимодействие прослежено и на материалах Нижнего Прикамья, в частности в керамических традициях некоторых групп посуды Волжской Болгарии³, а также на примере других категорий вещевого материала и отдельных погребальных или поселенческих комплексов.

Присутствие древнерусского компонента так или иначе ощущается и в материалах чепецкой культуры. Специальному изучению подверг эти материалы А.Г. Иванов⁴. Вопросами славяно-финно-пермского взаимодействия в пределах Вятского края систематически занимается автор этих строк, а в последние годы – Д.А. Салангин⁵ и вятские коллеги⁶.

Таким образом, исследователи в какой-то степени касаются вопросов межэтнических контактов на территории Прикамья, однако обобщающего сочинения до сих пор не создано.

Уже в X в. в городах Волжской Болгарии поселяются древнерусские купцы (славяне и русы-варяги), о чем извещают Ибн-Фадлан и ряд других восточных авторов. Археологические данные свидетельствуют о русских поселенцах в X–XI вв., пришедших сюда в основном с территории Южной Руси и оставивших после себя материальные остатки в виде находок шиферных пряслиц, плинфы, украшений и, что особенно важно, керамики. В XII–XIII вв. славянских материалов в Волжской Болгарии становится заметно больше⁷. Вместе со славянами сюда попадает и поволжско-финское население, о чем говорит совместное залегание славянских и финских вещей и особенно так называемой славяно-индской керамики вместе с собственно славянской.

Русские древности обнаружены при исследовании столичных центров (Болгар, Би-

ляр, Сувар) и ряда нижнекамских городищ (Елабужское (Чертово), Джукетау, Грохань, Кирменское, Чаллы́нское и др.), документируя собой смешанный состав их жителей. Судя по этим данным, пришлое славяно-финское население расселялось в среде болгар дисперсно, обычно не составляя компактных населенных пунктов, но при этом сохраняло некоторое время свою традиционную культуру, чему способствовал непрерывающийся приток древнерусских людей извне. Поскольку славяноидная керамика практически всегда обнаруживается вместе со славянской, достаточно очевидно, что славяне и финны осознавали себя в болгарском окружении в качестве единого этнического массива с цементирующей славянской подосновой.

В XII–XIII вв. славяне проникают в соседние с Прикамьем западные и северные районы, в т.ч. в Заволжье и Поветлужье, заселявшиеся преимущественно из Волго-Окского междуречья славянами и ославяненными финнами. В это же время возникают первые сельские поселения, городки и города в верховьях Северной Двины, в бассейне р. Вычегды, в низовьях Печоры. Практически всеми исследователями отмечено наличие на этих поселениях весьма заметного финно-угорского компонента наряду с русскими материалами.

Славянский импорт в X–XI вв. начинает поступать и в прикамские регионы – в бассейн Вятки, на Верхнюю и Среднюю Каму, на Чусовую и Сылву, в XII в. темпы его притока существенно возрастают, а вслед за этим здесь появляются и первые переселенцы⁸. Таким образом, появление славянских вещей в Прикамье связано и с торговыми отношениями региона, и с миграцией сюда как собственно славян, так и северных, прибалтийских и поволжских, финнов, в т.ч. ославяненных, носивших в составе украшений и славянские предметы. Среди них – металлические подвески, перстни, браслеты, поясные наборы, бусы, а порой и нательные крестики. Из числа бытовых изделий популярными были костяные гребни и складные расчески, железные кресала, замки и ключи. Использовались и орудия труда, сделанные мастерами Древней Руси (сошники, ножи, шиферные пряслица), и оружие (боевые топоры, мечи, кистени, предметы конской упряжи, ледоходные шипы).

Отдельные находки позволяют говорить о наличии древнерусского компонента на финно-пермских памятниках Прикамья уже в период X–XI вв., например, в бассейне р. Чепцы. Так, на городище Иднакар обнаружены костяные вещи: гребень с процарапанным на нем знаком Рюриковичей и прикладная печать с монограммой «М»⁹.

На протяжении XII в. приток древнерусского импорта на Чепцу увеличивается, постепенно оттесняя болгарский, и, в конце концов, здесь появляются переселенцы из Древней Руси. Пришельцы изготавливали на новом месте не только традиционную керамику славянского облика (по далеко не полным сведениям Д.А. Салангина, ее около 20 фрагментов), но и посуду смешанного характера (более 80 находок), используя местную финно-пермскую рецептуру глиняного теста, в которое замешивали помимо обычного песка также толченую раковину, навоз и некоторые другие добавки¹⁰. Вполне возможно, что такую посуду могли изготавливать и местные жители, используя в качестве образца русскую керамику. Во всяком случае, налицо пример углубленного взаимодействия культур. Судя по весьма незначительному количеству такой керамики (менее одного процента всей посуды из верхних слоев городища Иднакар), выходцев из Древней Руси на Чепце проживало немного. К сожалению, опубликована лишь малая часть посуды данной группы, что осложняет ее анализ.

Территория Вятского края была широко известна на Руси еще с конца I тыс. н.э., свидетельством чему являются предметы, попавшие в Вятско-Ветлужское междуречье и

осевшие, в основном, в финских погребениях X–XII вв.¹¹ Наряду с древнерусскими украшениями, предметами быта, орудиями труда и вооружением, которые можно считать импортом, в могилах оказались и древнерусские глиняные сосуды¹². Считать данную керамику импортом невозможно, ибо этому противоречит неважное ее качество. Вероятнее всего, эта посуда была приобретена у проживавших по соседству выходцев из Древней Руси. Это тем более возможно, что в Марийском Поволжье известно немало поселений с древнерусской керамикой. Абсолютное большинство этих памятников концентрируется близ устьев Ветлуги, Суры, Бол. и Мал. Кокшаги, что можно связывать с древнерусской колонизацией этого района, последующим возникновением в низовьях Суры г. Курмыш (1374) и сложением его сельской округи¹³. Надо полагать, что взаимоотношения аборигенного населения с пришлым древнерусским сложились как процесс смешения этносов, приведший к взаимной интеграции материальной и духовной культуры.

Среднее течение р. Вятки начинает заселяться славянами и ославяненными финнами во второй половине XII – начале XIII в. Здесь пришельцы встречаются с аборигенным финно-пермским населением. О взаимоотношениях этносов автор писал неоднократно, поэтому останавлиюсь лишь на основных сюжетах. Начну с характера заселения. В первых, стихийная крестьянская колонизация, коснувшаяся слабозаселенных земель (например, бассейна р. Пижмы), не могла вызвать какой-то заметной конфронтации с аборигенами края и по этой причине не попала в письменные источники. Во-вторых, целенаправленное (государственное) закрепление региона, сопровождавшееся строительством городов и крепостей (обычно на месте аборигенных городищ) приводило к вооруженным конфликтам, о чем прямо говорится в «Повести о стране Вятской», удмуртских и русских преданиях. Эти инциденты были присущи в основном раннему этапу колонизации.

Позднее наступает период примирения, привыкания, взаимного интереса друг к другу и первых робких контактов. По разработкам А.Е. Леонтьева и Е.А. Рябинина¹⁴ раздельное соседство славян и мери продолжалось около полувека, а затем начались процессы взаимной интеграции и ассимиляции. Имеются основания считать Костромское Поволжье одним из исходных регионов заселения бассейна Вятки – об этом говорят отдельные находки славяно-финских вещей и, косвенно, сведения о «черни ростовской», бежавшей от крещения не только в пределы Волжской Болгарии, но и, вероятно, к северу от нее, в т.ч. на Вятскую землю. Совместное проживание удмуртов с русскими на Средней Вятке зафиксировано письменными источниками XV–XVII вв. Степень сближения этносов доходила вплоть до участия местной знати в управлении Вяткой. Следы присутствия среди высланной в Подмоскovie после взятия Вятки в 1489 г. верхушки Вятской республики представителей нерусского населения (удмуртов и каринских татар) позволяют считать участие элиты вятских удмуртов в управлении Вяткой вполне вероятным¹⁵.

Верхнее Прикамье, занятое пермскими племенами родановской культуры, в XI–XIII вв. было даннической территорией Новгорода Великого. Уже в это время сюда попадает древнерусский импорт, представленный славяно-финно-скандинавскими и западноевропейскими находками, обнаруженными на более чем 55 памятниках региона¹⁶. С конца домонгольского – начала ордынского периодов начинается процесс инфильтрации в верхнекамский регион выходцев с территории Древней Руси, о чем свидетельствуют, в первую очередь, находки славянской керамики с линейно-волнистой орнаментацией и примесями песка и дресвы в тесте, а также предметы языческого и христианского культов и украшения, реже бытовые вещи и вооружение¹⁷. Однако о массовой русской колонизации Верхнего Прикамья можно уверенно говорить лишь с XIV –

начала XV в., когда регион попадает в сферу влияния Москвы¹⁸. Судя по археологическим данным (а всего известно порядка 25 памятников, оставленных древнерусскими поселенцами), на поселениях этого времени проживало смешанное русско-пермяцко-зырянское население¹⁹.

Надо полагать, что отношения между представителями разных этносов были вполне дружественными, что стало основой формирования здесь государственного раннефеодального образования под названием «Пермь Великая», впервые упомянутого под 1323 (1324) г. и представлявшего собой, очевидно, город-государство «Пермь Великая – Чердынь» (так оно нередко фигурировало в источниках), как это было на Руси в целом²⁰. Археологические данные этой дате не противоречат²¹. Ядром складывающегося единого полиэтнического государства стала небольшая территория в междуречье Колвы, Вишеры и Камы, где особенно компактно расселились русские. Возникают городские поселения (Анфаловский, Чердынь, Искор, Соликамск) с коми-русскими жителями, ставшие волостными центрами, аналогичными таковым на Вятке. Но наряду с ними по-прежнему существовали пермяцкие родовые общины – «гнезда», возглавлявшиеся сотниками из числа местной знати. Последние известны нам в связи с более поздними событиями 1472 г.

Судя по всему, упомянутые выше сотники были из местных племенных князьков (по летописям – «княжат») ²². Специальное их исследование провел Г.А. Бординских²³, выявивший потомков князей-оксов. Историк считает, что «к середине XV века в Перми Великой правящее сословие уже оформилось»²⁴, а «Кача, Мича, Зырян, Бурмат, Исур (так у автора – Л.М.) не были просто «сотниками» или воеводами князя Михаила. Они сами были правителями небольшой округи». Имена сотников выдают их нерусское происхождение: коми-пермяцкое (Коча, Мичкин, Бурмот), коми-зырянское (Зырн), угорское или тюркское (Исур)²⁵. Русские сотники в документах, к сожалению, не упоминаются, поскольку поход 1472 г. был направлен в основном против туземной оппозиции, поэтому вместе с князем Михаилом придерживались нейтралитета или же попросту выжидали. Во всяком случае, роль русских людей в оформлении государственности на Верхней Каме могла быть аналогична той, которую они играли на Средней Вятке. В Перми Великой, надо полагать, также изначально существовали вечевые порядки.

Однако процесс сложения народопрарства был прерван в 1451 г. Вычегодско-Вымская летопись описывает это так: «Лета 6959 прислал князь великий Василей Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегоцкою, а старшево сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегоцкие по грамоте наказаной по уставной»²⁶. Данный текст был воспринят историками по-разному. В.А. Оборин и его последователи (В.Н. Давыдов, Г.Н. Чагин и др.) однозначно связали происхождение великопермских князей с русским удельным Верейским княжеством. Однако по-прежнему живо господствовавшее в историографии до открытия Вычегодско-Вымской летописи (далее – ВВЛ) представление о них как о местных пермских князьях. Главное, на что ссылаются противники русского происхождения великопермских князей, – отсутствие в генеалогии верейского удельного дома поименованных в ВВЛ фигур. Думается, однако, что поиск источников по истории этой княжеской династии еще впереди. Пока же обращая внимание читателей на одну важную деталь: власть великопермских (как и вымских) князей была наследственной, что было естественным для статуса русских удельных князей и нельзя данный факт рассматривать, как это делает Е.В. Вершинин²⁷, в качестве исключения. Относительно отсут-

ствия имен пермских князей в документах, связывающих их с верейской династией (исключение – ВВЛ), можно предполагать, что они (имена) могли попросту вообще не попасть на страницы летописей в силу отсутствия прямого родства их носителей с правителями Вереи («от роду верейских князей...») Поэтому замалчивание их письменными источниками не должно вызывать удивления²⁸.

Итак, московский великий князь направил в Пермь Великую своего наместника. Однако местная знать («княжата», «оксы») сохранила не только свои родовые владения²⁹, но и политическое влияние. В этой связи карательный поход Ф. Д. Пестрого на Пермь Великую в 1472 г. можно расценить не столько как попытку Москвы ликвидировать «автономистскую» политику великопермских князей³⁰, сколько подавить их внутреннюю оппозицию в лице местных «княжат». Следствием этой акции стало превращение Перми Великой из государства с реликтами вечевых устоев в действительно удельное княжество, хотя и с ограниченной самостоятельностью, в котором политическая роль местной пермской знати была сведена на нет. А с претензиями великопермских князей на политическую автономию было покончено в 1505 г., когда был установлен статус периодически сменяемых наместников.

Что касается других регионов Прикамья (бассейн Сылвы, Среднее Прикамье, бассейн Белой), то малочисленность источников, в т. ч. археологических, не позволяет пока охарактеризовать особенности контактов пришлого древнерусского населения с местными племенами.

1 *Рябинин Е. А.* Проблема финно-угорского субстрата в древнерусской (русской) народности (обзор историографии XIX – 20–30-х гг. XX вв.) // Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы Л., 1990. С. 100–109, *Он же* Финно-угорские племена в составе Древней Руси. К истории славяно-финских этнокультурных связей. Историко-археологические очерки СПб., 1997. С. 9–15.

2 *Оборин В. А., Балащенко Л. А.* Итоги изучения памятников позднего железного века и русской колонизации Верхнего Прикамья // Уч. зап. ПГУ Пермь, 1968. № 191. С. 44–46, *Оборин В. А.* К вопросу об этническом составе русских поселений Верхнего Прикамья в XVI–XVII вв. // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. С. 162–168, *Он же* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 72–93, *Белавин А. М., Оборин В. А.* Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 63–75, *Мельничук А. Ф., Оборин В. А.* 1989. Связи финно-угорских племен со славянами в XI–XV вв. // Материалы VI МКФУ. М., 1989. Т. I. С. 79–81.

3 *Хлебникова Т. А.* Керамика памятников Волжской Болгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М., 1984. С. 200–201, *Кокорина Н. А.* Керамика Волжской Булгарии второй половины XI – начала XV вв. (К проблеме преемственности булгарской и булгаро-татарской культур). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1991. С. 9–17, *Она же* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // Татарская археология. Казань, 1999. № 1–2. С. 86–87, *Полубояринова М. Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993. С. 88–92, рис. 34–37, *Васильева И. Н.* Гончарство Волжской Болгарии в X–XIV вв. Екатеринбург, 1993. С. 74–77, 116–121, 135–144.

4 *Иванов А. Г.* Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. конец V – первая половина XIII в. в Ижевск, 1998. С. 149–170.

5 *Макаров Л. Д.* К вопросу о финно-угорском компоненте в археологических материалах древнерусских поселений на Средней Вятке // Материалы VI международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. С. 67–69, *Он же* Взаимодействие славянской и финно-угорской культур Камско-Вятского междуречья // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum Debrecen, 1990. 6. С. 246–251, *Он же* Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI веках // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен и до середины XIX в.). Ижевск, 1995. С. 80–107, *Он же* Особенности взаимодействия финно-угров и славян Прикамья в эпоху средневековья // Этнический фактор и политика. История и современность / Тез. докладов Российской научно-практич. конференции. Ижевск, 3–4 марта 2000 г. Ижевск, 2000. С. 10–14, *Салагин Д. А.* К вопросу о проблеме происхождения славяноидной керамики // Материальная и духовная культура народов Поволжья и Урала. История и современность / Тез. докладов. Глазов, 1995. С. 9–10, *Он же* Круговая

неполивная посуда Вятского края в XII–XVIII вв (по археологическим источникам) Автореф дис канд ист наук Ижевск, 1999 С 11–15

6 *Сенникова Л А* Характеристика погребального обряда Усть-Чепецкого могильника эпохи позднего средневековья // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца) Киров, 1996 Т 1 С 154–159, *Рячик И О* Узлов А Р, *Никольский К А*, *Баженова А А* Медова Е В, *Сукова Е В* Краниологическая характеристика черепов из средневекового Усть-Чепецкого могильника // Религия и церковь в культурно-историческом развитии Русского Севера (К 450-летию Преподобного Трифона, Вятского Чудотворца) Киров, 1996 Т 1 С 159–162

7 *Полубояринова М Д* Русь и Волжская С 88–92, рис 34–37

8 *Макаров Л Д* Связи населения Прикамья с древнерусскими землями в конце I – начале II тыс н э (по материалам импорта) // Шведы и Русский Север историко-культурные связи (к 210-летию А Л Витберга) Материалы Международного научного симпозиума Киров, 1997 С 39–57

9 *Макаров Л Д* О проблемах взаимодействия славяно-русского населения с народами Прикамья в I – первой половине II тыс н э // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья Материалы Международной конференции Ижевск, 2002 С 157–161

10 *Салангин Д А* К вопросу о проблеме С 9–10, *Макаров Л Д* Древнерусское население Прикамья в X–XV вв Учебное пособие Ижевск, 2001 С 21, рис 65–15, 16, *Иванов А Г* Этнокультурные и экономические С 166, рис 72–1, 5

11 *Макаров Л Д* Связи населения Прикамья С 41–42, рис 3

12 *Архипов Г А* Марийцы IX–XI вв К вопросу о происхождении народа Йошкар-Ола, 1973 С 60–61, рис 75-5, *Он же* Марийцы XII–XIII вв (К этнокультурной истории Поветлужья) Йошкар Ола, 1986 С 55–56, рис 48-1, 51-7-9, 52, *Никитина Т Б* Мари // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века Ижевск, 1999 С 190–191, *Она же* Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам) Йошкар-Ола, 2002 С 123, рис 27

13 *Кучкин В А* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв М, 1984 С 227–231

14 *Леонычев А Е*, *Рябинин Е А* Этапы и формы ассимиляции летописной мери (Постановка вопроса) // СА № 2 1980 С 67–79

15 *Макаров Л Д* Удмурты в истории Вятской земли XII–XVI веков // Историческое познание традиции и новации Тез Международной теоретической конференции Ижевск, 1996 Ч I С 86–88

16 *Макаров Л Д* Древнерусское население Прикамья С 36–37, рис 1, 66, 69, 80

17 Там же Рис 67, 68, 76

18 *Оборин В А* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века Иркутск, 1990 С 70–74

19 *Оборин В А* К вопросу об этническом составе С 162–168, *Он же* Археологическое изучение г Чердыни // Исследования по археологии и истории Урала Пермь, 1998 С 33–47, *Макаров Л Д* Древнерусский керамический комплекс Троицкого городища в г Чердыни (по материалам раскопок В А Оборина) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России Пермь, 1999 С 81–89, *Он же* Древнерусское население Прикамья С 23–30, 38, рис 2, 67–79

20 *Фроянов И Я* Дворниченко А Ю Города-государства Древней Руси Л, 1988 С 171–196, 223–252 и сл

21 *Оборин В А* Археологическое изучение г Чердыни С 39–45, *Макаров Л Д* Древнерусский керамический комплекс

22 *Оборин В А* О присоединении Перми Великой к Русскому государству в XV веке // Исследования по истории Урала Пермь, 1976 Вып IV (Уч зап ПГУ № 348) С 13, *Он же* Пермские князья кто они? // Страницы истории Урала Пермь, 1995 С 16–17

23 *Бординских Г А* Тайны истории Перми Великой Соликамск, 1994 С 22–27

24 Там же С 27

25 *Оборин В А* О присоединении Перми Великой С 13

26 ВВЛ Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Сыктывкар, 1958 Вып 4 С 261

27 *Вершинин Е В* И еще раз о князьях вымских и великопермских // Новгородская Русь Историческое пространство и культурное наследие Екатеринбург, 2000 (Проблемы истории России Вып 3) С 299

28 *Макаров Л Д* К вопросу об участии представителей финно-угорского мира в управлении Вятской республики и Перми Великой // Вестник Удмуртского университета 2003 Серия «История» С 136–139

29 *Бординских Г А* Тайны истории Перми С 22–27

30 *Оборин В А* Пермские князья кто они? С 17